

Балтийские государства и их трудное отношение к России

Кай Олаф-Ланг

Хотя балтийские государства уже являются членами ЕС и НАТО, их отношения с Россией все еще далеки от целесообразности и стабильности. Наложение Литвой временного вето на мандат переговоров о новом Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией или конфликт между Эстонией и Россией из-за демонтажа и переноса памятника советскому солдату-освободителю из центра Таллина подтверждают, насколько конфликтными остаются отношения между обеими сторонами. Нерешенные спорные вопросы, доставшиеся от прошлого, положение русскоязычных меньшинств, колоссальный дисбаланс в области энергетики и стремление России повернуть ситуацию вспять и восстановить свое влияние на постсоветском пространстве снова и снова приводят к возникновению трений и противоречий. Чтобы их приглушить, Германия и партнеры балтийских государств в ЕС должны активизировать диалог с тремя странами о России, но также и с Россией о балтийских государствах. Первоочередными темами для кооперации с Эстонией, Латвией и Литвой в рамках ЕС должны стать энергетическая политика, Европейская политика соседства и сотрудничество стран балтийского бассейна.

В конце апреля 2008 года литовское правительство заблокировало начало переговоров о будущем новом соглашении между ЕС и Россией. Вильнюс поставил свое согласие на выдачу соответствующего мандата на переговоры в зависимость от выполнения нескольких требований, часть из которых Литва уже давно предъявляет к Москве. Так, Вильнюс настаивал на возобновлении поставок российской нефти на литовский нефтеперерабатывающий завод

«Mazeikiu nafta», которые были прекращены еще в 2006 году после якобы произошедшей на нефтепроводе аварии. Кроме того, Литва призвала ЕС в ходе переговоров с Москвой еще более определенно, чем до сих пор было запланировано, настаивать на соблюдении Россией принципов Энергетической хартии. Литва хотела также обязать Еврокомиссию к тому, чтобы увязать прогресс на переговорах с Россией с признанием Москвой территориальной целостности Грузии и

Молдавской республики. Наконец, Литва потребовала, чтобы ЕС призвал Россию к большей кооперативности в юридических и правовых вопросах. Подоплеку этого требования составляют жалобы Вильнюса на то, что Москва не особенно охотно идет на сотрудничество при раскрытии громких уголовных дел. То, что Литва вскоре пошла на уступки, заняла более примирительную позицию, переменяла тон и удовлетворилась скорее мягкими заявлениями в связи с мандатом на начало переговоров, произошло не столько благодаря уговорам Председателя Еврокомиссии или других партнеров, сколько потому, что первоочередная цель для Вильнюса с самого начала состояла не в том, чтобы надолго заблокировать переговоры, а в том, чтобы привлечь внимание Европейского Союза к тем проблемам, которые уже давно существуют между Литвой и Россией.

Букет проблем

Вопросы, поднятые Вильнюсом в связи с новым базовым Соглашением между ЕС и Россией, отражают конфликты, которые свойственны не только литовско-российским отношениям, но и отношениям между балтийскими государствами в целом и Россией и которые постоянно актуализируются: речь идет о различных интерпретациях сложной истории 20-го столетия, о разновекторных и противоборствующих интересах на постсоветском пространстве, о статусе русскоязычных меньшинств в Прибалтике, о поставках энергоносителей, а также о роли балтийских государств в качестве транзитного пространства для российской экономики.

История

Присоединение балтийских государств к Советскому Союзу, произошедшее более шестидесяти лет тому назад, по-прежнему является источником

напряженностей. Перенос памятника советской эпохи (так называемого Бронзового солдата) весной 2007 года из центра Таллина привел к столкновениям в эстонской столице, которые затем вылились в массовые беспорядки с применением насилия, и к обмену дипломатическими ударами между двумя государствами. Вильнюс потребовал, чтобы Россия признала пять десятилетий недобровольного пребывания Литвы в «семье советских республик» оккупацией и выплатила за это компенсацию. Москва, со своей стороны, обвиняет три балтийских республики в поддержке культа легионеров «Ваффен-СС», которые, по мнению балтийских государств, были отчаявшимися борцами за свободу и суверенитет своей родины, к тому же многие из них оказались в легионе недобровольно.

Этот и другие примеры показывают, что за последние два десятилетия стороны в своем толковании истории никоим образом не приблизились друг к другу, напротив, исторические дискурсы скорее даже еще больше развели их позиции. Ядром разногласий остается оценка периода с 1940 по 1991 год и советской политики в отношении балтийских государств в широком смысле слова. С российской точки зрения, речь здесь идет об эпохе могущества и стабильности в Европе; в понимании балтийских государств, - напротив, о периоде оккупации, который наряду с утратой национального суверенитета сопровождался многочисленными человеческими жертвами. Главы государств Эстонии и Литвы не приехали в Москву на празднования, посвященные 60-летию окончания Великой Отечественной войны, поскольку 9 мая для них означает не столько победу над национал-социализмом, сколько начало оккупации Сталиным Восточной и Центральной Европы.

Конфликт интересов на постсоветском пространстве

Все три балтийских государства поддерживают процессы реформ и демократизации в Восточной Европе и на Южном Кавказе, выступают за углубление Европейской политики соседства и высказались за перспективу членства заинтересованных стран в ЕС и НАТО.

Президент Литвы Валдас Адамкус вместе со своим польским коллегой Лехом Качиньским был одним из протагонистов в процессе посредничества во время «оранжевой революции» на Украине, с тех пор он постоянно принимал участие в многосторонних встречах (таких как Сообщество демократического выбора или ГУАМ) с другими главами государств и правительств из Центральной и Восточной Европы. Вильнюс, приняв у себя закрытый в Минске Европейский гуманистический университет, подал четкий сигнал солидарности с демократической оппозицией в соседней Белоруссии, где правит авторитарный режим. Все три прибалтийских государства проявляют особую активность на Южном Кавказе и прежде всего в Грузии. Три балтийских республики установили с Арменией, Азербайджаном и Грузией партнерство в формате 3+3, которое стало существенным вкладом в создание Группы друзей Грузии. Этот неформальный союз ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы поставил перед собой, среди прочего, цель приблизить эту южно-кавказскую республику к ЕС. Посредством широкой двусторонней помощи в форме сотрудничества в области развития, поддержки реформ системы управления и школьного образования, а также построения гражданского общества прибалтийские государства укрепляют свой политический ангажемент, что все больше переводит

их в позицию реального и потенциального противостояния по отношению к России на постсоветском пространстве.

Меньшинства

Россия постоянно критиковала статус русскоязычных меньшинств в прибалтийских государствах. Основной пункт обвинений состоит в том, что Эстония и Латвия после распада Советского Союза не предоставили автоматически гражданства проживавшему там русскоязычному населению. Сложный процесс натурализации и недостаточные меры со стороны государства по интеграции русскоязычного населения служили доказательством того, что члены русскоязычного сообщества хотя и не формально, но как минимум фактически подвергались дискриминации. Как Москва, так и представители меньшинств читают, их точку зрения поддерживают международные организации, например, ОБСЕ. Высокий Комиссар по делам национальных меньшинств весной 2008 года и в самом деле призвал Латвию к тому, чтобы облегчить процесс получения гражданства и (как в Эстонии) предоставить избирательное право на выборах в местные органы власти русскоязычному населению, не имеющему латвийского гражданства. На эту критику правительства в Риге и Таллине возразили, что систематической дискриминации русскоязычного меньшинства со стороны государственных органов не существует, поскольку это воспрепятствовало бы вступлению этих стран в НАТО и ЕС. Они также по праву указывают на значительные усилия государства по интеграции меньшинств в латвийское (или, соответственно, эстонское) общество. Например, эстонское правительство весной 2008

года приняло новую программу по интеграции, цель которой – усилить чувство принадлежности представителей меньшинств к эстонскому государству. Также наблюдался определенный прогресс и в области образования. Так, Латвия удостоилась похвалы со стороны ОБСЕ за расширение обязательного образования на языке страны – политика, которая в прошлом воспринималась многими представителями меньшинств не как меры по интеграции, а как форма вытеснения русского языка. Примечательно, что сохраняется обоюдное недоверие между большинством и меньшинством в прибалтийских государствах, хотя все большие части русскоязычной общины вовлекаются в динамичную экономическую жизнь Эстонии и Латвии, и привлекательность проживания в этих странах после их вступления в ЕС усилилась. Однако по-прежнему существуют социально-культурные аспекты и моменты, связанные с идентичностью, которые действуют как разделяющие факторы: эстонское и латвийское население – по меньшей мере, подсознательно – сомневается в лояльности русскоговорящих и подозревает их в намерении создать своего рода параллельное общество. Многие представители русскоязычных групп ментально не чувствуют себя принятыми и желанными на их фактической родине.

Энергетика

Все три прибалтийских государства находятся в ситуации однозначной зависимости от российских поставщиков в плане энергетики. Так, все потребление газа в Прибалтике покрывается за счет поставок из России. В трех крупных газовых предприятиях региона из четырех (Eesti

Gas, Latvijas Gaze, Lietuvos Dujos) Газпром имеет свою долю участия. До сих пор не существует привязки этих стран к альтернативным системам трубопроводов. Только Латвия со своими – но наполняемыми опять-таки Газпромом – значительными газонакопительными мощностями создала определенный запас гибкости в плане возможных проблем с поставками энергоносителей. Что касается производства электроэнергии, то здесь прибалтийские государства до сих пор в основном вполне самодостаточны; Эстония и Литва являются даже нетто-экспортерами электроэнергии. Однако рамочные условия электроснабжения изменятся, так как до конца 2009 года Литва должна остановить второй блок атомной электростанции в Игналине, крупнейшем производителе электроэнергии в регионе. Поскольку переговоры с Эстонией, Латвией и Польшей о совместном строительстве современной атомной электростанции протекают вяло и медленно, а одновременно с этим прогнозируется значительный рост потребления электроэнергии, то существуют опасения относительно возникновения дефицита в снабжении электроэнергией. В силу этого Литва настаивает на продлении срока жизни игналинского реактора и изменении соответствующих положений в Договоре о вступлении в ЕС – требование, которое вряд ли может увенчаться успехом. Поиски альтернатив наталкиваются зачастую на сопротивление, как это было, например, недавно в Латвии. Так, строительство электростанций, работающих на газе, многими считается неприемлемым, так как тем самым возникает новая зависимость от России. В первую очередь отсутствие привязки к северо- или западноевропейской системе электроснабжения все больше

осознается прибалтийскими государствами как проблема. Проложенный по дну Балтийского моря и введенный в эксплуатацию в конце 2006 года мощный высоковольтный кабель Estlink, соединивший Эстонию и Финляндию, до сих пор остается единственной связью между энергосистемами Евросоюза и стран Балтики, которые в целом можно считать «энергетическим островом» в ЕС.

Конфликт вокруг нефтеперерабатывающей компании Mazeikiu nafta привел к возникновению разногласий между Литвой и Россией. Когда большинство акций предприятия перешло в руки польского концерна PKN Orlen, российская сторона объявила об аварии на нефтепроводе и прекратила поставки нефти на нефтеперерабатывающий завод в Мажейкяй. Собственник трубопровода российское предприятие Транснефть до сих пор отказывается ремонтировать трубопровод, ссылаясь на высокую стоимость ремонтных работ. Литва, со своей стороны, подозревает, что в действительности технических проблем не существует, а прекращение поставок нефти - это реванш за то, что российские фирмы, заинтересованные в приобретении Mazeikiu nafta, в аукционе по приватизации этого предприятия потерпели фиаско. Прекращение поставок стало ощутимым ударом по нефтяной компании. Хотя процесс переработки сумели обеспечить за счет поставок нефти танкерами через принадлежащий концерну терминал в Бутинге, но эта форма снабжения значительно повысила стоимость производственных расходов.

Транзит

Балтийские порты являются важнейшими перевалочными площадками и узловыми

транспортными пунктами для торговли российскими товарами и в соответствии с этим имеют существенное народно-хозяйственное значение для балтийских государств. В то время как три прибалтийские республики стремятся к расширению транзитных и фрахтовых мощностей, Россия заинтересована в снижении своей зависимости от прибалтийских стран в плане транзита грузов. В русле этой логики Москвы находятся строительство и расширение собственных перевалочных баз в Приморске и Усть-Луге, а также связанная с этим прокладка нового маршрута трубопровода (Балтийская трубопроводная система-2 / БТС-2). Так, Владимир Путин вскоре после своего вступления в должность главы правительства в мае этого года во время открытия нового терминала в Приморске открыто заявил, что через новые таможенно-экспедиционные пункты будут отправляться водным путем по месту назначения нефть и нефтепродукты, которые до сих пор транспортировались через Эстонию, Латвию или Литву.

Прибалтийские государства остро почувствовали на себе последствия этого стремления России к транзитной автономии. Латвийский порт Вентспилс, когда-то крупнейший терминал на Балтике, в 2003 году был отрезан от поставок нефти по трубопроводу – очевидно, в качестве реакции на то, что российские фирмы не смогли стать акционерами этого порта. После 2003 года Вентспилс смог сохранить производство благодаря поставкам по железной дороге, но ему пришлось потерпеть существенные убытки: вместо того чтобы экспортировать нефть из России, порт используется только для снабжения нефтеперерабатывающего завода. Погрузочно-разгрузочные терминалы Эстонии страдают из-за последствий

скандала вокруг «Бронзового солдата». В 2007 году объем перевозки грузов Таллинского порта снизился на 13% по сравнению с предыдущим годом. В первую очередь уменьшился объем отгрузки нефти (минус 16%); отгрузка же угля обрушилась полностью (минус 97%). Причиной этого стали якобы технические проблемы российских железных дорог. В совокупности с убытками товарного экспорта в Россию конфликт вокруг памятника советскому солдату обошелся эстонской экономике в сумму порядка 450 миллионов евро. Особое место в торговом обороте между Россией и Прибалтикой занимает Калининградский анклав. В ходе переговоров о вступлении Литвы в Европейский Союз для вопроса о транзите российских граждан между Калининградом и основной территорией страны было найдено относительно гибкое решение, благодаря которому данная проблематика до поры до времени была в целом деполитизирована. Литва является транзитной страной и в энергетической сфере: именно через нее осуществляются поставки газа в Калининградскую область. Однако Вильнюс опасается, что после запланированного строительства Северо-европейского газопровода Калининград получит возможность снабжаться газом за счет прокладки отдельной ветки от этой магистрали, вследствие чего трубопровод, идущий из литовской столицы, потеряет свое значение, и дисбаланс в области энергетики между Литвой и Россией снова стремительно сместится в пользу Москвы.

Риски России, реакция прибалтийских стран

В последние годы трения во всех этих областях, экономическое укрепление России и самоуверенная риторика российских политиков - вплоть до имперских заявлений - привели к тому,

что прибалтийские государства, даже будучи членами ЕС и НАТО, воспринимают своего «большого соседа» по-прежнему как фактора риска, даже как угрозу. Опасения относительно ремилитаризации восточной части балтийского пространства являются при этом лишь одним из источников сомнений и беспокойства этих стран. Так, после российских заявлений появляются тревога и обеспокоенность в плане того, что для защиты Северо-европейского трубопровода будет усилено присутствие российского флота в Балтийском море и что в качестве ответа на размещение элементов американской противоракетной обороны в Центральной Европе планируется также размещение новых российских противоракетных систем в регионе, в том числе в Калининградской области. Но в совокупный анализ угроз все больше включаются и «мягкие» риски безопасности: так, в прибалтийских республиках с определенным неприятным чувством наблюдают за наступлением российского капитала в банковской и финансовой сферах, в энергетике и транспортной инфраструктуре. Существуют опасения, что сделки сомнительных предпринимателей, местных олигархов и нечисто плотных политиков могут привести к внутривнутриполитической нестабильности, что вполне соответствует интересам России. Ввиду уже упомянутого дисбаланса в энергетическом секторе энергетическая безопасность и без того уже воспринимается во всех трех странах как ахиллесова пята в области политики безопасности. Перебои с поставками энергоносителей, с чем уже пришлось столкнуться, рассматриваются как применение «энергетического оружия». Наконец, намерения России увеличить объем нефти, транспортируемой морским путем, воспринимаются как

колоссальная экологическая угроза для всего балтийского региона.

Три прибалтийские республики реагируют на эту асимметрию и специфическую уязвимость прежде всего с помощью четырех стратегий.

1. Тесные трансатлантические отношения в области безопасности.

Прибалтийские государства с момента обретения независимости стремились к тому, чтобы осуществить максимально тесную привязку к США в плане оборонной политики и политики безопасности. Членство в НАТО способно предоставить, по их оценкам, единственно действительную гарантию безопасности в отношении угрозы с Востока. И действительно, НАТО по-прежнему рассматривается в качестве первостепенного оплота безопасности – как ввиду жестких угроз, так и ввиду новой непрогнозируемости. Поэтому в Эстонии с большим удовлетворением восприняли решение Североатлантического альянса создать в Таллине Центр НАТО по кибер-безопасности. После массивных атак через интернет на правительственные и финансовые учреждения Эстонии вследствие конфликта вокруг «Бронзового солдата» Таллин призвал Альянс разработать стратегию против «кибер-терроризма».

2. Обращение к Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ).

Несмотря на свою фундаментальную трансатлантическую ориентацию, балтийские государства в силу напряженных отношений с Россией все больше и больше обращаются к Общей внешней политике и политике безопасности. При этом интересы трех стран можно обобщить следующим образом: во-первых, они хотят «европеизировать» свои двусторонние конфликты с Россией. Во-вторых, они настаивают на выработке единой политики ЕС в отношении России. Они хотят иметь определяющее влияние на

формулирование европейской политики в отношении России и одновременно с этим - противодействовать тому, чтобы между отдельными странами ЕС и Россией складывались особые двусторонние отношения. В-третьих, они заинтересованы в придании большего веса Европейской политике соседства, поскольку рассматривают экспорт прав человека и демократии в страны, расположенные на восточной периферии ЕС, как средство поставить заслон имперскому ренессансу России. В эстонско-российском конфликте вокруг «Бронзового солдата» Евросоюз продемонстрировал солидарность. Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу заявил, что «эстонская или литовская проблема является также европейской проблемой». С точки зрения Эстонии это было «ключевым переживанием», которое упрочило доверие балтийских государств к ЕС.

3. Инициативы в области энергетической политики.

Предпринимаются специальные усилия для уменьшения зависимости от России в области энергетики. Такого рода задачи сложно реализовать, так как, например, вследствие дефицита инфраструктурных предпосылок пока невозможно диверсифицировать импорт природного газа. Кроме того, небольшие размеры национальных энергетических рынков требуют зачастую совместного образа действий, например, в форме согласованной инвестиционной политики нескольких предприятий. Однако это оказывается сложным делом, как показывает проект строительства совместной атомной электростанции трех прибалтийских государств и Польши. Эта АЭС может быть введена в действие самое раннее в конце следующего десятилетия. Очевидно, Россия и здесь держит нос по ветру: Москва заявила о своем намерении построить в Калининграде атомную электростанцию, которая

сделает будущий балтийско-польский реактор излишним. Осуществление проектов по привязке стран Балтии к средне- и североευропейским электросетям также постоянно затягивается: хотя высоковольтный кабель Estlink успешно введен в эксплуатацию, но, судя по всем прогнозам, запустить «энергомост» между Литвой и Польшей, а также между Литвой и Швецией в соответствии с планом, т.е. до 2012 года, будет нелегко.

Большие ожидания связаны с европейской энергетической политикой. Литва вместе с Польшей успешно сражались за закрепление в Лиссабонском договоре принципа солидарности в области энергетики, чтобы таким образом создать основу конкретных механизмов оказания помощи в случае срыва поставок. Не в последнюю очередь надежды связаны с внешней энергетической политикой ЕС. Президент Литвы является одним из инициаторов Краковской инициативы президентов государств Центральной и Восточной Европы, которая направлена в том числе на продвижение проекта нефтетранспортного коридора Южный Кавказ – Украина – Польша (нефтепровод Одесса – Броды – Плоцк).

4. Региональная кооперация. Три прибалтийских государства с начала 90-х годов развивают интенсивное сотрудничество, которое сегодня распространяется на многочисленные области – такие как военная кооперация, транспортная политика, защита окружающей среды, а также внутренняя политика и политика в области юстиции. Для этого на передний план все больше выдвигается кооперация в балтийском регионе на уровне проектов: она направлена на привязку общих транспортно-политических целей проектов Rail Baltica и Via Baltica к регионам-партнерам по ЕС.

В этой связи до сих пор для балтийских

государств была характерна определенная благожелательная индифферентность или даже сдержанность в отношении форматов сотрудничества, включающих Россию, и прежде всего в отношении Совета государств Балтийского моря. Представляется, что предпочтение скорее отдается двустороннему сотрудничеству с избранными партнерами в конкретных проектах (например, Эстония – Финляндия или Литва – Польша в вопросах энергетики). В целом все три страны сильно ориентируются на Скандинавию, что объясняется не только значительным экономическим ангажементом северных европейцев, но и тем, что народы балтийских государств в политическом плане все больше ощущают свое родство со скандинавскими партнерами и, оглядываясь на Россию, особенно доверяют им.

И в будущем: хрупкие отношения

Отношение балтийских государств к России в обозримом времени останется сложным и напряженным. В 2009 году, когда воспоминания о начале второй мировой войны и об окончании коммунистического господства в Восточной Европе будут определять исторический дискурс с обеих сторон, могут возникнуть новые «линии разлома» и конфликты по историческим вопросам. Одновременно с этим запланированное на 2009 год отключение игналинского ядерного реактора с новой интенсивностью продемонстрирует балтийским государствам их энергетическую зависимость от России. Недавнее улучшение латвийско-российских отношений также не может ввести в заблуждение относительно того, что практически все длительные конфликты между балтийскими государствами и Россией никуда не исчезли. Рига и Москва после

продолжительных переговоров наконец-то подписали в 2007 году Договор о границе; не осталось незамеченным то, что латвийская сторона воздержалась от критики парламентских выборов в России. В этой связи также выделяется открытая позиция Латвии по Северному потоку, проект которого последовательно отклоняют Литва и Эстония. Не в последнюю очередь причиной этого сближения может быть сильная представленность российских экономических субъектов в Латвии. В этой связи «новая целесообразность» между Ригой и Москвой видится не столько как выражение новой успешной политики примирения, а как попытка России расколоть группу балтийских государств. Латвия среди них представляет собой своего рода «swing state» (The Economist), особенно восприимчивое к российскому влиянию. Однако прошлый опыт показал, что подобные периоды оттепели в отношениях между отдельными балтийскими государствами и Россией могут быстро смениться фазой похолодания. Примером тому служат отношения между Россией и Литвой в 90-е годы, которые одно время отличались прагматизмом, но затем вновь стали чрезвычайно конфликтными.

Рекомендации для ЕС или, соответственно, стран-партнеров балтийских государств

Интенсификация коммуникации по поводу политики в отношении России как выход из сценариев блокады. Вместе с расширением 2004 года ЕС, так сказать, «импортировал» балтийско-российские отношения. Евросоюз должен учитывать, что балтийские государства хотят получить возможности влияния на Общую внешнюю политику и политику безопасности, на формирование отношений ЕС к России и

одновременно с этим – «экстернализовать» и «европеизировать» свои специфические противоречия с Москвой. Россия стремится воспрепятствовать этому и со своей стороны пытается политически и экономически обойти некоторые балтийские государства или добиться их изоляции в ЕС. Отсюда возникает «поле напряжения» для европейской политики: с одной стороны, ЕС не может быть заинтересован в том, чтобы многогранные двусторонние конфликты между государствами-членами и третьими государствами были подняты на уровень европейской политики или даже привели к застою в отношениях с Россией. С другой стороны, ЕС, как высокоинтегрированное ценностное сообщество с растущими внешнеполитическими амбициями, не может себе позволить пренебречь внешнеполитическими интересами государств-членов и их интересами в области безопасности по отношению к такому важному партнеру как Россия. Если ЕС проигнорирует проблемы балтийских государств, то они будут считать себя вынужденными и в будущем повторно обратиться к своему праву вето в вопросах сотрудничества между ЕС и Россией. Чтобы снизить вероятность таких сценариев блокады, необходима более интенсивная коммуникация о политике в отношении России между балтийскими государствами и другими членами ЕС. *Практическая - а не символическая – солидарность ЕС с балтийскими государствами.* С учетом отдельных сфер политики было бы важно, чтобы ЕС перешел от символической солидарности с балтийскими государствами к их практической поддержке. Это относится в особенности к такой ключевой сфере, как энергетика. В свете ситуации с импортом газа в балтийских государствах для них было бы очень

SWP

Stiftung Wissenschaft
und Politik
Deutsches Institut für
Internationale Politik
und Sicherheit

Ludwigkirchplatz 3-4
10719 Berlin
T: +49-30-88007-0
F: +49-30-88007-100
www.swp-berlin.org
swp@swp-berlin.org

полезно, если бы они могли воспользоваться эффективными кризисными механизмами. Для этого следует наряду с уже инициированным созданием «энергомостов» активнее поразмыслить о строительстве трубопроводов, соединяющих Прибалтику с ЕС (например, из Литвы в Польшу). Без этого партнеры по ЕС не могут быть гарантировать энергообеспечение балтийских стран в случае необходимости.

Усиление кооперации в Балтийском регионе. Многосторонняя кооперация в балтийском регионе становится для Эстонии, Латвии и Литвы все более привлекательной, поскольку она все больше осуществляется в рамках ЕС, членами которого сегодня являются восемь из девяти государств региона. В отличие от отчасти медлительной работы Совета государств Балтийского моря, более четкое и хорошо организованное сотрудничество скандинавских и балтийских членов ЕС, а также Германии и Польши (как, например, происходит уже сейчас в рамках 3+3+2) дает шанс для фокусировки на инициативах по кооперации. Новый импульс в этом направлении мог бы исходить от будущей Балтийской стратегии ЕС, которую будет продвигать шведское правительство, предвосхищая свое Председательство в Совете ЕС во втором полугодии 2009 года. В нее должна войти также региональная стратегия в области энергетики и энергетической безопасности, - например, посредством создания единого интегрированного регионального энергетического рынка и строительства региональных энергетических сетей. Связанные с энергетикой цели будущей Балтийской стратегии должны быть сформулированы с учетом результатов «проверки энергетической стратегии»,

которые комиссия хотела представить поздней осенью. В этой связи необходимо заново определить и северное измерение – в том смысле, что оно должно выступать внешнеполитическим фронтом Балтийской стратегии ЕС. Северное измерение могло бы стать связующим звеном, посредством которого Россия получила бы возможность участвовать во внутриевропейской кооперации в Балтийском регионе.

Германии следовало бы порекомендовать активизировать свой политический диалог с балтийскими государствами. Консультации на уровне министров иностранных дел Германии, Эстонии, Латвии и Литвы, которые в мае 2008 года прошли уже в десятый раз, можно было бы дополнить регулярными четырехсторонними диалогами между соответствующими министерствами и ведомствами. В качестве предмета для этих диалогов наряду с комплексами проблем, касающихся энергетики и климата, можно было бы предложить вопросы защиты окружающей среды, транспортной политики и политики в области инфраструктуры в их региональных взаимосвязях. Параллельно с этим можно было бы вести диалог также на парламентском уровне в виде форума экспертных комитетов. Германо-балтийский форум, который попеременно проходит то в Германии, то в одном из балтийских государств, послужит дополнением этому в качестве широкой дискуссионной платформы, которая открыта также для представителей экономики и гражданского общества всех четырех стран. Неформальные и проводимые с большими перерывами саммиты на уровне глав правительств четырех стран могли бы увенчать такую сеть контактов. ■

Перевод статьи Фонда «Наука и политика» сделан по заказу Посольства Германии в Москве